7. Gafiatulina N.H. Zdorov'esberegayushchie modeli professional'noj socializacii studencheskoj molodezhi v usloviyah social'noj neopredelennosti [Elektronnyj resurs] // «Inzhenernyj vestnik Dona», 2013, №3. – Rezhim dostupa: http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824 (dostup svobodnyj).
8. Egorycheva E.V., Musina S.V. Formirovanie professional'no znachimyh kachestv lichnosti s pomoshch'yu izbrannogo vida dvigatel'noj aktivnosti // Izvestiya VolgGTU: mezhvuz. sb. nauch. st. Volgograd, 2009. №10. P. 125 – 126.
9. Berdnikov S.V., Gur'ev S.B. Rol' fizicheskoj kul'tury i sporta v obespechenii zdorov'ya studencheskoj molodezhi / Fizicheskaya kul'tura i sport: materialy nauch.-praktich. konferencii. Ekaterinburg, 2018. P. 16 – 23.
10. Olonec S.B., Kadyrov A.M., Olonec L.K. Fizkul'turno-sportivnaya deyatel'nost' v srede studencheskoj molodezhnoj kak glavnyj faktor povysheniya potenciala zdorov'ya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №6.

УДК 316.012 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-230-234

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ: ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИТЕРИЕВ

Касьянов Валерий Васильевич доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149). E-mail: culture@kubsu.ru

Щербакова Лидия Ильинична доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «Социология и психология», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132). E-mail: Lidia-npi@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются следующие проблемы детерминации критериев эффективности управления региональной молодежной политикой: неконкретность формулирования целей и задач молодежной политики; спектр направлений деятельности региональных органов и муниципальных учреждений молодежной политики; молодежь как социально-демографическая группа, представляющая собой весьма сложное образование; эффективность управления молодежной политикой оценивается с точки зрения заказчика – муниципалитета, федеральных и региональных органов власти. Но редко учитывается оценка эффективности управления региональной молодежной политикой со стороны молодежи.

Ключевые слова: *молодежь, молодежная группа, государственная молодежная политика, регион, региональная молодежная политика, эффективность управления, детерминация критериев, органы власти, инновационная государственная политика.*

Государственная молодежная политика (ГМП) – один из главных инструментов развития России, повышения благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений. Молодежная политика сегодня, представляя собой комплексную деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, политических партий, общественных объединений и молодежного актива, являет собой единство двух составляющих – государственной и общественной [1].

Актуальность обозначенной темы исследования обусловлена потребностью формирования инновационной государственной политики в отношении молодежи региональных сообществ. Реализация государственной молодежной политики не всегда отвечала потребностям развития молодежи как нового социального ресурса по ряду причин, в числе которых, прежде всего, малообеспеченность региональных бюджетов, а также финансирование по остаточному принципу.

Сегодня региональная молодежная политика складывается в достаточно сложных условиях, хотя именно она направлена на практическую реализацию в регионе [2, 3].

Эффективность управления региональной молодежной политикой существенно зависит от эффективности функционирования субъектов реализации молодежной политики. На первом уровне к основным субъектам могут быть отнесены органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и находящиеся в их ведении учреждения.

Вопросам формирования и реализации государственной молодежной политики (ГМП) посвящены труды И.М. Ильинского, В.Т. Лисовского, В.А. Лукова, Т.А. Нигматуллиной, М.С. Шевхужева и др. Проблемы управления региональной молодежной политикой в Российской федерации явились предметом исследования Я.В. Гетц, Б.А. Дейч, И.Е. Клейменовой, Д.В. Кротова, А.И. Орлова, В.А. Смирнова и др. Согласно определению, представленному в работе М.С. Шевхужева, «Молодежная политика – это научно-обоснованная теоретическая и практическая деятельность ее субъектов

по защите и реализации интересов и потребностей молодежи, как особой социально-демографической группы, по воздействию субъектов на молодежь в своих интересах» [4, с. 15].

Специфика категории эффективности молодежной политики в целом, и региональной, в частности, по мнению Б.А. Дейч, может быть определена как соотношение между конкретной целью, результатом и средствами, с помощью которых представляется возможным достижение цели тех или иных направлений молодежной политики. Применительно к региональной молодежной политике результативность предполагает указание на то, к каким именно качественным изменениям в отношении молодежи приведет реализуемая система мер (преимущественно программно-целевого характера) в процессе ее осуществления [5].

Эффективность управления региональной молодежной политикой – это некий комплексный показатель результативности субъектов региональной молодежной политики в процессе ее реализации, показывающий соотношение между конкретными достигнутыми результатами и ресурсными затратами (например, социально-экономическая эффективность) [6], устанавливающий соответствие между результатами и тем проблемным полем, на решение которого были направлены основные усилия на этапах выработки и реализации молодежной политики.

ГМП на региональном уровне реализуется на базе региональных стратегий и целевых молодежных программ. Программы в области молодежной политики должны давать представление об устойчивом развитии молодежной политики в том или ином регионе, определять первостепенные, доступные управлению зоны и направления развития, те его злободневные моменты, на которые целесообразно будет сконцентрировать управленческие усилия. Оценка эффективности молодежных программ – это комплексная исследовательская процедура, предоставляющая возможность обнаружить и измерить полученные в процессе реализации программ эффекты, результаты и последствия. Но в практической деятельности проблема адекватного измерения эффективности управления молодежной политикой в рамках региональных программ остается актуальной.

Можно обозначить следующие причины затруднений в детерминации критериев эффективности управления молодежной политикой:

Первая детерминанта, касающаяся затруднения формирования критериев эффективности управления РМП связана с самой молодежью как социально-демографической группой, которая представляет собой весьма сложное и уязвимое образование [7]. Традиционный подход предполагает деление молодежи на три основные группы (в зависимости от рода занятий): учащаяся молодежь, студенческая молодежь и работающая молодежь. Однако данное деление осуществляется скорее с позиции социальных групп. В то же самое время неточно учитывается возрастной фактор: так, учащаяся молодежь – это молодежь в диапазоне 14-18 лет; студенческая молодежь от 15 (в системе среднего профессионального образования) до 21-25 лет (в системе высшего профессионального образования); работающая молодежь в возрастном диапазоне от 18 до 30-32 лет.

В.А. Гневашева и К.И. Фальковская, предлагая авторские основания для типологии групп молодежи, помимо упомянутых выше видов занятости (рода занятий), выделяют группы: «по отношению к труду: работающая, безработная молодежь; по состоянию здоровья: здоровая, больная молодежь; по отношению к жизни: активная, инфантильная молодежь; по девиантному поведению: наркоманы, курильщики; по гражданскому состоянию: молодежь, состоящая в браке, холостые», подчеркивают при этом, что учет данных особенностей очень важен, в силу того, что социальные проблемы, с которыми сталкиваются представители разных социально-демографических групп молодежи, будут также значительно разниться. Авторы приходят к выводу о том, что в реальной деятельности «управленческому органу, реализующему ГМП, приходится иметь дело не с молодежью вообще, а с конкретным молодым человеком, имеющим «свою» проблему» [8].

По нашему мнению, актуальный подход к выделению групп молодежи с целью формирования критериев эффективности управления РМП может быть представлен таким образом: младшая возрастная молодежная группа – в диапазоне 14-20 лет (учащаяся, студенческая и работающая молодежь); средняя возрастная группа – 20-25 лет (студенческая и работающая молодежь); старшая возрастная молодежная группа – 25-30 лет (работающая молодежь). Такой подход, на наш взгляд, позволяет более точно (адресно) выделить предмет молодежной политики, а значит, более точно сформулировать критерии эффективности управления для каждой из представленных выше возрастных групп:

- в младшей возрастной молодежной группе – поддержка молодежи в процессе социализации, ее мотивация к активному включению в социально-экономическое, политическое и социокультурное развитие региона;

- в средней возрастной молодежной группе – поддержка молодежи в процесс ее самоопределения (в т.ч. и профессионального), а также активного включения в экономическое, социальное, политическое и социокультурное развитие региона;

- в старшей возрастной молодежной группе – поддержка карьерного роста и семейного благополучия молодежи, как средство включения молодых людей в социально-экономическое, политическое и социокультурное развитие региона.

Вторая детерминанта, касающаяся затруднения формирования критериев эффективности управления РМП связана с некорректностью формулировок целей и задач молодежной политики. Достаточно часто цель и задачи молодежной политики формулируются не на базе анализа конкретной региональной ситуации и мониторинговых исследованиях, а на основе традиционных подходов, кадрового потенциала и его профессиональной направленности. Кроме того (и это является отнюдь не маловажным фактором), ряд нормативных документов, регламентирующих управленческую деятельность в сфере молодежной политики, дает сложные многофакторные определения, из которых возникает проблема практической операционализации понятия: «эффективная самореализация», «потенциал», «успешная социализация», «социально-экономическое и культурное развитие страны» и т.д. Согласно определению «государственная молодежная политики», приведенному в «Стратегии государственной молодежной политики в РФ», ГМП является системой формирования государственных приоритетов и мер, нацеленных на создание условий и спектра возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, обеспечение ее конкурентоспособности[1]. Измерить степень эффективности управления молодежной политикой на основе данного определения представляется крайне затруднительным.

Третьей проблемой детерминации критериев эффективности управления РМП является большой спектр направлений деятельности региональных органов и муниципальных учреждений молодежной политики. Для каждого направления, соответственно, должны быть разработаны собственные критерии эффективности. А непосредственно об эффективности управления и реализации муниципальной или региональной молодежной политики можно судить по совокупности данных критериев. Однако в условиях районного центра либо сельского муниципального поселения не представляется возможным реализовать все направления молодежной политики, ибо эта деятельность реализуется одним-двумя – максимум – тремя специалистами. Отсюда – возможна политика приоритетов (которые закрепляются в районной целевой программе).

Четвертой проблемой является то, что эффективность управления молодежной политикой и ее реализации оценивается с точки зрения заказчика – муниципалитета, федеральных и региональных органов власти. Но при этом крайне редко учитывается оценка эффективности управления региональной молодежной политикой со стороны конечного потребителя услуг – молодежи муниципального образования, субъекта федерации – регионального сообщества, страны в целом. Между тем, как подчеркивают упомянутые выше В.А. Гневашева и К.И. Фальковская, «существуют явные диспропорции между ожиданиями молодежи в отношении их взаимодействия с властью и предложениями и пожеланиями самих органов власти» [8]. Если обратиться к официальным данным, представленным в фундаментальных исследованиях отечественных социологов, современную молодежную политику государства однозначно положительно оценивают 15,3% молодых людей; 41% придерживается мнения, что в России в интересах молодежи «что-то делается, но малозаметно». Недовольство в отношении управления молодежной политикой высказывают 32% молодых людей, а 11% затрудняются оценить эффективность [9]. Кроме того, критерии эффективности управления молодежной политикой (целевые индикаторы) программ в сфере РМП учитывают, по большому счету, количественные результаты. Однако, вполне очевидно, что необходимо учитывать наряду с количественными, еще и качественные результаты. Последние можно увидеть исключительно в динамике и в соотношении с конкретными задачами и целями молодежной политики.

Анализ хода реформ как на федеральном, так и на региональном уровнях в субъектах РФ позволяет констатировать, что в сфере ГМП процесс перехода идет наиболее сложно. Возникшие проблемы, по мнению А.И. Орлова, как правило, связаны с системной спецификой, влияние которой не накладывало существенных ограничений на результативность ранее существовавшей модели управления. Среди основных проблем, касающихся эффективности управления региональной молодежной политикой и требующих решения на современном этапе, выделяются [10]:

а) необходимость разграничения и передачи полномочий органов исполнительной власти в подведомственные учреждения;

б) формирование четких ведомственных перечней государственных услуг и работ, в условиях, когда управление молодежной политикой и связаны с реализацией мероприятий на региональных уровнях;

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. N 1760-р, режим доступа URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/.

в) определение измеряемых и качественных показателей оказываемых услуг и формирование на их основе сбалансированных, выполнимых и результативных государственных заданий на региональных уровнях;

г) формирование штатных расписаний подведомственных учреждений, соответствующих специфике и объемам оказываемых услуг и реализуемых видов деятельности;

д) устранение противоречий в механизмах финансирования учреждений при включении их в качестве субъекта реализации целевых региональных программ.

Об эффективности управления молодежной политикой на региональном уровне можно судить по следующим индексам удовлетворенности: во-первых, самой молодежи (по уровню удовлетворения потребностей и решения социальных проблем); во-вторых, органов государственной власти (степени ее участия в решении задач, поставленных ГМП); в-третьих, структур гражданского общества (уровня гражданского сознания молодежи).

Таким образом, возникает необходимость в усилении работы теоретиков и практиков в сфере ГМП для определения критериев эффективности управления региональной молодежной политикой.

Литература

1. *Гафиатулина Н.Х.* Институционализация региональной молодежной политики в современном российском обществе / Нациестроительство и модели национальной интеграции в России. Материалы всероссийской конференции. 2016. С. 201 – 206.
2. *Рачипа А.В., Касьянов В.В., Самыгин С.И.* Принципы эффективной модели управления молодежной политикой на региональном уровне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №6.
3. *Бедрик А.В., Зарбалиев В.З.* Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). С. 38–50.
4. *Шевхужев М.С.* Формирование и реализация государственной молодежной политики на Северном Кавказе в 90-х годах XX века (на материалах Ставропольского и Краснодарского краев): автореф. … канд. ист. наук. Карачаевск, 2004. 28 с.
5. *Дейч Б.А.* К вопросу об определении критериев эффективности региональной молодежной политики в России / Регионализация молодежной политики в России: история, опыт, практика. СПб., 2015. С. 23 – 25.
6. *Игнатова Т.В.* Формирование управленческого резерва региона через развитие административно-образовательных кластеров // Креативная экономика. 2012. № 3.
7. *Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I.* Socio-political changes as a sociocultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 5. P. 602 – 609.
8. *Гневашева В.А., Фальковская К.И.* Эффективность молодежной политики: проблема определения критериев (результаты экспертного опроса) // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6.
9. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
10. *Орлов А.И.* Управленческая модель эффективной реализации региональной молодежной политики в современных условиях / Регионализация молодежной политики в России: история, опыт, практика. СПб., 2015. С. 56 – 58.

Kasyanov Valery Vasilyevich, Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of chair of history of Russia, Kuban state University (149, Stavropol St., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: culture@kubsu.ru

***Scherbakova Lidiya Ilyinichna*,** Doctor of sociological sciences, professor, Head of the Department «Sociology and psychology», Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosveshcheniya str., Novocherkassk, 346428, Russian Federation). E-mail: Lidia-npi@mail.ru

***Samygin Sergey Ivanovich*,** Doctor of Sociology, Professor of department of judicial examination and criminalistics, Rostov state economic university (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

EFFECTIVE MANAGEMENT OF REGIONAL YOUTH POLICY: THE PROBLEM OF CRITERIA DETERMINATION

Abstract

The article discusses the following problems of determining the criteria for effective management of regional youth policy: the vagueness of the formulation of the goals and objectives of youth policy; range of activities of regional bodies and municipal institutions of youth policy; youth as a socio-demographic group, which is a very complex education; The effectiveness of youth policy management is assessed from the point of view of the customer - the municipality, federal and regional authorities. But the evaluation of the effectiveness of the management of regional youth policy by young people is rarely taken into account.

Keywords: *youth, youth group, state youth policy, region, regional youth policy, management efficiency, criteria determination, authorities, innovative public policy.*

References

1. Gafiatulina N.H. Institucionalizaciya regional'noj molodezhnoj politiki v sovremennom rossijskom obshchestve / Naciestroitel'stvo i modeli nacional'noj integracii v Rossii. Materialy vserossijskoj konferencii. 2016. P. 201 – 206.

2. Rachipa A.V., Kas'yanov V.V., Samygin S.I. Principy effektivnoj modeli upravleniya molodezhnoj politikoj na regional'nom urovne // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №6.
3. Bedrik A.V., Zarbaliev V.Z. Faktory rasprostraneniya molodezhnogo ekstremizma na YUge Rossii na sovremennom etape // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). P. 38–50.
4. SHevhuzhev M.S. Formirovanie i realizaciya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki na Severnom Kavkaze v 90-h godah XX veka (na materialah Stavropol'skogo i Krasnodarskogo kraev): avtoref. … kand. ist. nauk. Karachaevsk, 2004. 28 s.
5. Dejch B.A. K voprosu ob opredelenii kriteriev effektivnosti regional'noj molodezhnoj politiki v Rossii / Regionalizaciya molodezhnoj politiki v Rossii: istoriya, opyt, praktika. SPb., 2015. P. 23 – 25.
6. Ignatova T.V. Formirovanie upravlencheskogo rezerva regiona cherez razvitie administrativno-obrazovatel'nyh klasterov // Kreativnaya ekonomika. 2012. № 3.
7. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. Socio-political changes as a sociocultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. T. 8. № 5. P. 602 – 609.
8. Gnevasheva V.A., Fal'kovskaya K.I. Effektivnost' molodezhnoj politiki: problema opredeleniya kriteriev (rezul'taty ekspertnogo oprosa) // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Poni-manie. Umenie». 2011. № 6.
9. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. M., 2010. 592 c.
10. Orlov A.I. Upravlencheskaya model' effektivnoj realizacii regional'noj molodezhnoj politiki v sovremennyh usloviyah / Regionalizaciya molodezhnoj politiki v Rossii: istoriya, opyt, praktika. SPb., 2015. P. 56 – 58.

УДК 316 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-234-238

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Кужелев Максим Александрович старший преподаватель, Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: kuzhelev@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматривается возникновение понятия «социальная эксклюзия» в социологической науке. Осуществляется попытка анализа данного социального явления с точки зрения различных методологических подходов с целью дальнейшего выведения комплексного научного определения. Попытки систематизировать выводы относительно содержания, причин возникновения и последствий социальной эксклюзии применительно к сельской молодежи приводят к заключению о необходимости ее рассмотрения с позиции особенностей образа жизни данной социальной группы.

Ключевые слова*: социальная эксклюзия, сельская молодежь, образ жизни, депривация, интеграция, социальный капитал, социальные группы, самоидентификация, инклюзивные процессы.*

Различные интерпретации понятия «социальная эксклюзия» связаны с его использованием в различных областях научного знания. В социологии термин «эксклюзия» чаще всего интерпретируется как исключение определенных социальных групп из полноценной жизнедеятельности общества (дети-сироты, инвалиды, пожилые люди, лица с делинквентным поведением, то есть наркозависимые и др.), поскольку, с одной стороны, их социальные права ограничены, а с другой, они обладают специфичным индивидуальным восприятием и самоидентификацией. Однако исследования молодежи с позиций социальной эксклюзии в социологии отсутствуют. Это становится возможным, если рассматривать социальную эксклюзию молодежи с позиций особенностей ее образа жизни. Именно этим объясняется предпринятая попытка систематизации теоретических подходов в изучении образа жизни индивидов и социальных групп.

В своей исторической научной ретроспективе понятие эксклюзии интерпретировалось в зависимости от национального контекста в этическом и нормативном аспектах. Нормативный аспект характерен для англосаксонского подхода, поскольку ориентирован на институт прав человека в результате инклюзивных процессов. Французская теория эксклюзии ориентирована на этический формат прав человека, в рамках которого солидарность и интеграция граждан в общественную жизнь возможна только при уважении прав любых меньшинств. Инклюзия, согласно англо-американскому подходу, возможна в условиях преодоления бедности путем обеспечения «нормального» образа жизни, то есть доступа к необходимым ресурсам различных социальных групп.

С 80-х годов XX века западные ученые и политики стали использовать термин «социальная эксклюзия», поскольку ее основой выступала концепция относительной бедности П. Таунзенда.

Бедность – негативное отклонение (девиация) от социетальной нормы жизни по причине ограниченности ресурсов» [1, с.159]. Соответственно, по мнению координатора одной из социальных программ Г. Рума, «индивиды страдают от социальной эксклюзии, когда: 1) находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых